

УДК 340:165.412.3

Искендерова Яна Юрьевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры юриспруденции, философии и истории,
Южно-российский государственный политехнический университет
(НПИ) имени М.И. Платова
yaiskenderova@yandex.ru

Левченко Ирина Андреевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры юриспруденции, философии и истории,
Южно-российский государственный политехнический университет
(НПИ) имени М.И. Платова
yaiskenderova@yandex.ru

Серезжникова Татьяна Леонидовна

старший преподаватель кафедры юриспруденции, философии и истории,
Южно-российский государственный политехнический университет
(НПИ) имени М.И. Платова
yaiskenderova@yandex.ru

Yana Y. Iskenderova

candidate of sociological Sciences, associate Professor of the Department
Jurisprudence, philosophy and history YURSPU (NPI). M. I. Platov
yaiskenderova@yandex.ru

Irina A. Levchenko

candidate of philosophical Sciences, associate Professor of the Department of
Jurisprudence, philosophy and history, YURSPU (NPI). M. I. Platov
yaiskenderova@yandex.ru

Tatyana L. Serezhnikova

senior lecturer of the Department of Jurisprudence, philosophy and history
YURSPU (NPI). M. I. Platov
yaiskenderova@yandex.ru

Парадоксы правовой культуры в российском обществе

Paradoxes of legal culture in Russian society

Аннотация. Представленная статья содержит целью анализ парадоксов правовой культуры в российском обществе, которые можно охарактеризовать как противоречия, возникающие в восприятии, оценке и интерпретации норм и ценностей права на уровне массового сознания россиян. Применяя теоретическую конструкцию субъектно-деятельностного подхода, в качестве результатов предлагается определение парадоксов правовой культуры в рамках правового субъекта, соотносимого с интегральными показателями социальных групп и слоев

российского общества. В статье содержится обобщающий вывод о том, что признавая безальтернативность гражданской правовой культуры как направленности на правовую саморегуляцию, необходимо избежать схематизма правового нормативизма и акцентирования исследовательского внимания на традиции неписанного права в массовом сознании россиян.

Ключевые слова: парадоксы, правовая культура, правовые установки, правовой субъект, правовая компетентность, правовая саморегуляция.

Annotation. The article contains a detailed analysis of the paradoxes of legal culture in Russian society, which can be characterized as contradictions arising in the perception, evaluation and interpretation of norms and values of law at the level of mass consciousness of Russians. Applying the theoretical construction of the subject-activity approach, the results are proposed to determine the paradoxes of legal culture within the legal subject, correlated with the integral indicators of social groups and strata of Russian society. The article contains a generalizing conclusion that recognizing the lack of alternative civil legal culture as a focus on legal self-regulation, it is necessary to avoid the schematism of legal normativism and the emphasis of research attention on the tradition of unwritten law in the mass consciousness of Russians.

Key words: paradoxes, legal culture, legal attitudes, legal subject, legal competence, legal self-regulation.

Правовая ситуация в российском обществе характеризуется транзитивным состоянием, так как речь идет о том, что легитимация нового социально-правового порядка обусловлена и сопровождается парадоксами правового поведения и правовой культуры россиян. По этой теме неоднократно высказывались видные российские правоведы, политологи и социологи. Казалось бы, вердикт ясен и вопрос состоит в том, что российскому обществу трудно расстаться с недавним прошлым, что очевидно влияние социокультурной травмы, обусловленной распадом страны и неоднозначными социальными реформами. Тем не менее, есть актуальность анализа правовой культуры как социокультурного феномена, определяющего социальные настроения россиян по отношению к правовой сфере, к модели социально-правового порядка и правовым стратегиям.

В этом смысле, показателен тот факт, что российское общество осознало невозможность поворота к прошлому, что является результатом социальной ностальгии, но не мотивацией массового поведения. Однако стабильными можно назвать парадоксы правовой культуры, то, что российский социолог Ж.Т. Тощенко описывает как метаморфозы общественного сознания [7, с.36]. Описание современной реальности, согласно его позиции, не позволяет преумножать общеизвестные факты, но сложность изучения правовой культуры российского общества заключается в том, что превращенные формы массового сознания порождают не только эффект «расколотости», но и требуют, во имя достижения объективных

критериев исследований, концентрации внимания на парадоксах, имеющих и объективный и субъективный смыслы.

Для того, чтобы не порождать феномены ложного сознания, вероятно, следует, признавая реальности переходного периода, уходить от штампов «маргинализованного сознания», «патологического сознания», отречься от иллюзий по поводу скорых перемен в правовой культуре и, главное, диагностировать правовую культуру в контексте парадоксов как противоречия между оценками и реальным влиянием правовой культуры, расхождением стереотипов и официального дискурса, принятого в правовой сфере. Иными словами, рассматривать парадоксы правовой культуры необходимо не только как следствие субъективных ошибочных намерений и стремлений индивидов, с трудом адаптирующихся к новым социально-экономическим и социально-политическим реалиям, но и принимать во внимание возможность воспроизводства парадоксов в рамках «симбиоза» в правовой культуре социальных групп и слоев, формирующих структуру российского общества, взаимоисключающих друг друга оценок, установок, ориентиров и намерений [7, с.55].

Актуальность осмысления парадоксов правовой культуры в российском обществе очевидна потому, что вне нейтрализации этих парадоксов нам маловероятным представляется модернизация правовой культуры, приведения ее в соответствие с правовыми нормами и стандартами, уменьшение влияния сферы неправовой свободы и, в конечном счете, создание работающих механизмов правовых практик. Нахождение общества в состоянии социальной и правовой дезориентации имеет негативные последствия для социальной интеграции, вызывает параллелизм жизненных и культурных форм, приводит к отчуждению и недоверию по отношению к политическим и правовым институтам, и на уровне межгруппового и межличностного взаимодействия.

Поэтому, осознавая сложность проблемы парадоксов в правовой культуре российского общества, нельзя ограничиться констатацией фактов или предложить мало объяснительную схему. Социологическая мысль наработала определенные концептуальные схемы, которые позволяют охарактеризовать парадоксы правовой культуры и в классическом варианте социальной аномии Э.Дюркгейма, и в неклассической схеме социального конструирования реальности П.Бергера и Т.Лукмана. Однако правовая культура в российском обществе формируется под влиянием социокультурного контекста и требует, как писал П. Штомпка, включения механизма социологического воображения, выработки социологического языка, позволяющего принять и понять разнообразие форм, в которых проявляется правовая культура в российском обществе, определить перспективы правового поведения в рамках норм и ценностей правовой культуры, принимать во внимание влияние «прошлого» и сделать акцент на возможных изменениях, динамике правовой культуры [11, с.35-36].

Разумеется, механический перенос аналитических образцов, накопленных зарубежной социологической мыслью, приводит только к рецессивности, к привязке российских реальностей к социологическим абстракциям. И для того, чтобы избежать отдаленности социологического мышления от социальной и правовой реальности, требуется принятие методологических принципов, связанных с субъектно-деятельностным подходом, результативно реализуемым российскими учеными в исследовании социального сознания и самосознания, массовых настроений россиян, описания жизненных стратегий, того, что характеризуется субъективной сферой социальной жизни.

Следует отметить, что парадоксы правового сознания в российском обществе принимались во внимание учеными, но их интерпретация основывалась на приоритете идеологических допущений: либеральная мысль истолковывала парадоксы в рамках отсталости, традиционализма, архаичности «российского человека», в особенностях отношений между обществом, личностью и государством, наследия недавнего прошлого и - как современная интерпретация, приоритет неписанного права и негативная мобилизация.

С другой стороны, их оппонентам не хватает аргументов, связанных с тем, что правовая система в российском обществе является мощным инструментом социокультурной модернизации, что правовая культура не эпифеноменальна, что парадоксы правовой культуры не являются кратковременными и их анализ требует применения системных оценок и подходов и определения шансов и перспектив субъективных схем восприятия правовой культуры.

В российском обществе сложилась, как отмечает Н.Е. Тихонова, противоречивая социальная структура, которая показывает расхождения, существующие между нормативной моделью общества переходного периода и социальной реальностью. Парадокс выявляется в том, что в чистом виде не действуют факторы социальной стратификации, что основные методологические проблемы определяются расхождением между реальным и субъективным социальным статусом россиян. Но, если бы дело ограничивалось только социальными самооценками. Не работает «правило» социетального подхода, которое определяет общество как целостную систему. Дело в том, что в социальных отношениях российского общества присутствует воспроизводство «традиционности», того, что можно описать эффектом неписанного права, с другой стороны, выявляется тенденция «модернизированности», результатом которой можно назвать критериальные приоритеты доходов, образованности, профессионализма личности, а на групповом уровне социальный эффект, социальный капитал.

Эмпирические исследования определяют сложность вертикальной и горизонтальной социальной стратификации [6, с. 20-21]. Выстраивание имеющей высокую социологическую достоверность стратификационной схемы, необходимой для анализа парадоксов правовой культуры в

российском обществе содержит ограничения в том, что достаточно не ясны взаимозависимости правовой культуры и социального статуса (позиции) россиян. В попытках ответить на вопрос о влиянии социоструктурного фона на правовую культуру в российском обществе исследователь должен видеть не только одномерные связи жизненных шансов и социальной мобильности личности с принятием определенного типа правовой культуры, но и постараться понять, каким образом можно избежать нормативистского подхода, при котором правовая культура неизбежно попадает под определение незрелой и несостоявшейся.

Кроме того, с учетом трудностей актуализации в исследовании правовой культуры российского общества социально-детерменистской и социоресурсной схем, наиболее важной представляется идея специфики правовых ценностей и установок россиян. Касаясь такого исследовательского шага, требуется помнить о том, что ценности и установки правовой культуры имеют различные значения для социальных слоев и групп: социально-компенсирующее и социально-адаптивное для низкостатусных социальных групп, социально-ориентационное для групп со среднестатусными позициями и «монополистическое» - для властной и экономической элит.

Не утверждая однозначно, что парадоксы правовой культуры в российском обществе порождены установками на принятие или отклонение норм и ценностей правовой культуры, можно говорить о том, что правовая культура определяет активную направленность на личностном и групповом уровнях воспринимать и формировать схемы восприятия права и оценивать свою способность влиять на социальную ситуацию на основе применения правовых норм.

Невозможно понять парадоксы правовой культуры российского общества, если не принять точку зрения, согласно которой внимание исследователя сосредотачивается на социологическом измерении правовой субъектности, конкретных социальных групп и слоев как способности актуализировать правовые нормы, ценности и установки для достижения определенных жизненных планов и выстраивания отношений в социуме.

Определение того, что является критериями правовой субъектности связано с выведением трех показателей. Во-первых, восприятие права в качестве механизма и ценности общественной жизни. Во-вторых, правовая компетентность, знания и способности, ориентированные на реализацию правовых норм, установки на право, как прагматическую, ситуативную или фундаментальную ценности [5, с.35-36]. В третьих, выведение степени правовой субъектности на основе предпочтительности или отклонения правового поведения, реализуемого в легальных или иллегальных практиках.

Анализ схем восприятия права в российском обществе показывает, на основе результатов социологических исследований, парадоксальную картину, в которой обнаруживаются расхождения между позитивным принятием правовой культуры как необходимой современному человеку, ее приоритета в оценке культурных и интеллектуальных горизонтов личности и

инструментальным активизмом, ситуативным выбором правовых норм и ценностей, что демонстрирует взаимоисключающие оценки, особенно на уровне межгруппового и межличностного взаимодействия.

Россияне уверенно оценивают сложившуюся правовую систему как итог произошедших в обществе социальных и политических преобразований. И, вместе с тем, правовая система не относится к значимым результатам в массовых оценках и суждениях. Точнее, проблемы развития правовой системы воспринимаются через такие опосредующие факторы, как «социальная несправедливость», «преступность», «бюрократия», «дисциплина и порядок» [2, с.146]. Пожалуй, наиболее приближенным показателем, характеризующем реальную правовую культуру, можно квалифицировать дисциплину и порядок. Иными словами, в обществе сохраняется запрос на принудительное право, ориентированное на авторитет государства. Здесь следует учитывать, что, так как дисциплина и порядок носят характер позитивного определения, данная позиция обуславливает парадокс правовой культуры в том, что фиксируется императивность правовых норм и ценностей, но правовая культура не входит в понятие «духовность личности». Акцент делается на прагматике права, что приводит к оттеснению правовой культуры на уровень «необязательности».

В сложившихся социальных диспропорциях социальная справедливость, являясь «пустым понятием», под которое попадают разнонаправленные интерпретации «затеняет» правовую культуру с идеалами правовой справедливости и правового равенства. Исследователю может показаться, что россияне испытывают недоверие к институту права в силу формализма и нереализуемости правовых норм и ценностей, но в этом контексте игнорируется парадокс правовой культуры в российском обществе. Правовая субъектность россиян является «частичной», то есть, достаточной для признания и одобрения права как имеющей конкретную социальную функцию, но не соответствующую тому, что можно назвать доверием к правовой системе и ее принятию в качестве необходимого условия развития личности и общества.

Конечно, можно сослаться на тенденцию в правовой культуре за рубежом, о которой немецкий ученый Ю. Хабермас пишет как о двойственности правовых стандартов, отходе от норм и ценностей правового модерна, как об эрозии и исчезновении ценности права в рамках принятия концепции мультикультурализма [8, с.71-72]. В российском обществе доминирует суждение о правовой культуре на уровне здравого смысла, что означает парадокс (расхождение) между правовыми институтами, ассоциируемыми с властью, и стереотипами массового сознания, в которых правовая культура не присутствует системно, интенсивно проявляется на социально-реактивном уровне, но не может быть охарактеризована как качество субъектности. В этом смысле, есть основание считать, что в обществе не сложилась референтная группа как образец правовой культуры,

что ожидания по поводу выполнения такой общественной миссии российского среднего класса оказались неверными.

Судя по социологическим данным, приоритетным является противоречие между «чиновниками и гражданами», и парадокс проявляется в том, что население на уровне повседневных практик не осознает себя правовым субъектом, так как ориентировано на актуальность формулы «сложности отстаивания интересов» на основе ориентации на ценность права [2, с.82]. Подобная ситуация может охарактеризоваться как деформация правовых ориентаций россиян, поскольку возникает расхождение между признанием правовой культуры как общественной ценности, и, в то же время, ее назначение определяется, преимущественно, негативными коннотациями общественной жизни. К тому же, снижается интерес к становлению правового субъекта, так как, «по умолчанию», респонденты полагают свое отношение к общественной ценности права через опосредующие условия «присвоения» права. Имеется в виду, что возникает предопределенность, связанная с тем, что правовые институты не действуют в интересах граждан и закрепляют монополизм элитных групп.

Возможно, поэтому российские социологи отмечают, что «средний класс» в российском варианте оказался не готовым к тому, чтобы быть носителем гражданско-правовых добродетелей, что приоритет потребительских интенций среднего класса не означает соразмерность правовых притязаний. Российский социолог О.И. Шкаратан пишет о том, что господствующий в России тип социетальности содержит основные черты этакратизма [10, с.269]. В данном смысле, социолог подчеркивает, что огромное влияние на становление правовой культуры в российском обществе оказывает то, что можно назвать «странностями» правовой системы: прочность и устойчивость социально-правовому порядку придают массовые установки на принятие права в контексте отношений личности и государства. Что же касается такого аспекта, как общественная ценность права, можно говорить только с уверенностью о преобладании «номенклатурности», соизмерения ценности права с социально-дистрибутивным отношением.

Социологический анализ состояния правовых субъектов в российском обществе дает основания считать, что доминирование «частичных» правовых субъектов создает двойственный парадокс. С одной стороны, не возникают референтные по отношению к праву группы, и правовая культура рассматривается в контексте реального доступа к ресурсам права, что отменяет принцип универсализма правовой культуры. С другой стороны, наблюдаемая институционализация иллегальных и полуполигальных поведенческих практик выводит на мысль о замещении корпоративного права и корпоративной этики позицией отклонения права.

В любом случае не работают схемы «азиатской государственности», в которых правовая культура не может утвердиться в силу произвола власти и закрытости возможностей обретения гражданско-правовых качеств. Необходимо отметить, что возникает желание «быть в тени» и использовать

правовые нормы выборочно, инструментально. В этих условиях правовая культура не может быть иной, как содержащей парадоксы, расхождения между декларируемыми позициями одобрения права и реальными установками на допустимость полулегальных и иллегальных практик.

Возникает явление правовой гиперреальности, когда у респондентов формируются особые «фоновые ожидания», правовые установки, имеющие несистемный, ситуационный характер, но позволяющие адаптироваться в «размытой» правовой среде [9, с.57]. Не стоит удивляться тому, что правовая культура в российском обществе не выполняет полностью миссию рационализации общественных отношений: этому препятствует не доминирующий частичный правовой субъект, а то, что можно описать как состояние сниженной правовой компетентности. Американские социологи в 70-е годы XX века отмечали риски корпоративизации правовой культуры, то, что в общественных отношениях формируются механизмы функционирования правовых институтов, которые нельзя объяснить с помощью правовых норм и концепций, поскольку есть расхождения между реальными установками и нормами права [1, с.329]. Парадоксальность описываемой ситуации заключалась в том, что при декларировании приоритета правовых норм возникали риски правового присвоения юридической корпорации в силу обоснования правовой некомпетентности большинства населения.

Обращая внимание на уровень правовой компетентности в российском обществе как стартового условия для перехода от частичного правового субъекта к состоянию правовой саморегуляции на межличностном и групповом уровнях обращает на себя внимание тот факт, что, анализируя «идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае, подчеркивается, что в Китае действует непрерывность традиции «справедливость как порядок», то есть, правовая система воспринимается как «веление власти», но предполагает правовую компетентность населения, способность обращаться к правовым нормам для достижения социальной справедливости [4, с.182].

В российском «варианте» проявляется парадоксальность восприятия правовой компетентности как желательной, но не обязательной, не имеющей влияния на социальное самочувствие, социальную самоидентификацию и социальную самооценку. В этом смысле, правовая компетентность уступает правовой ресурсности личности и ассоциируется не столько с достижением социальной справедливости или успехами личности. Речь идет о формировании личности по образу жизни, набору ценностей, правовым предпочтениям «консенсуса» относительно минимальных стандартов правовой компетентности, как социального маркера, позволяющего действовать с определенной степенью доверия к конкретной личности и конкретной группе. Это выражается в том, что нами при анализе показателей доверия в отношении правовых институтов обращается внимание на средний «уровень» доверия (32% - к правоохранительным органам, 26% - к судебной

системе) [3, с.132]. На первый взгляд напрашивается вывод о том, что правовые институты обладают более низкими показателями доверия не в силу дисфункциональности, неэффективности правовой системы, а под влиянием традиции «неписанного права». Однако в этом и проявляется парадоксальность правовой культуры, которая акцентирует внимание на допущение недоверия, и в правовых установках россиян прослеживается «отсутствие сопричастности правовой регуляции».

Отмеченный уровень доверия к правовым институтам отражает парадоксальную ситуацию, которая может быть описана как расхождение между принятием права «должным» в обществе, но не подтверждающимся на уровне оценок здравого смысла. Это при том, что, не конкурируя с значимостью власти, культуры, науки, правовые ценности и нормы характеризуются необходимыми свойствами, ограничивающими влияние неправовой свободы. В то же время, правовые установки не достигают диспозиционной регуляции, не являются феноменами ценностных ориентаций и не формируют направленность личности на принятие права как содержащей не только оценочный, но и когнитивный, и поведенческий смыслы.

Иными словами, в преодолении «частичного» правового субъекта в российском обществе для перехода к действующей правовой субъектности проявляется разрыв между признанием доминанты права в современном российском обществе и принятием социально фиксированных установок на осознание частичности права. В таком контексте нет уверенности в том, что преодолеваются различия уровня доминирующей направленности интересов, которые могут иметь неправовой характер, и декларируемых ориентаций на ценность права.

Очевидно, что выход на состояние правовой субъектности как действия гражданско-правовых норм, сопряженных с ответственной личностью и стремлением к правовой идентификации на групповом уровне не является достижением ближайшего будущего. Парадоксальность правового сознания в российском обществе реально отражает сложности социальных транзаций и не может быть интерпретирована в качестве противоречий между прошлым неправовым состоянием и внедрением правового порядка в постсоветский период его истории. Как показывает анализ правовой культуры россиян, если определять ее интегральные характеристики, которые, разумеется, дифференцированы в различных социальных группах и слоях, парадоксы выявляются на уровне восприятия, интерпретации и поведения.

Во-первых, правовая культура в российском обществе содержит парадоксы «сознания», взаимоисключающие ориентации на «должное» право и необязательность в повседневных практиках на уровне «здравого смысла». Это связано с тем, что действует «дуализм» правовых норм и социальных стереотипов.

Во-вторых, в этой ситуации правовой субъект в российском обществе, которого можно характеризовать как носителя нормативной правовой

культуры «частичен», ориентирован на принятие общей обязательности права в соотношении с групповыми интересами. В восприятии права присутствуют социально фиксированные установки, направленные на полезность правовых норм, но не включающие отношение к праву на основе правовой компетентности, способствующей осознанию права на уровне правовой саморегуляции.

И, наконец, работает механизм отклонения от сопричастности к правовым нормам. Здесь можно сослаться и на подданическую культуру, этакратизм и, как следствие, на апатию в отношении иллегальных практик. Однако попытка взглянуть на парадоксы правового сознания в российском обществе как на состояние бесконечной правовой незрелости не могут быть интерпретированы как продуктивные.

Парадоксы правовой культуры фиксируют проблемную ситуацию построения правового общества, в котором достижение правовой саморегуляции не может быть подвержено сомнению, так как является реальным способом преодоления социокультурных травм и формирует базовый ценностный консенсус, вне которого трудно говорить о легитимации права на уровне субъективных социальных значений и смыслов.

Литература:

1. *Американская социология Перспективы. Проблемы. Методы М., 1972.*
2. *Горшков М.К. Российское общество как оно есть Т.1 М., 2016.*
3. *Российское общество и вызовы времени Кн.2 М., 2015.*
4. *Россия и Китай «идеальное общество» в мечтах людей в России и Китае М., 2016.*
5. *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция М., 2013.*
6. *Тихонова Н.Е. Социальная структура России : теория и реальность М., 2014.*
7. *Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек М., 2001.*
8. *Хабермас Ю. Расколотый запад М., 2008.*
9. *Чупров В.И. Зубок Ю.А. Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства М., 2014.*
10. *Шкаратан О.И. Теория и реальность М., 2012.*
11. *Штомпка П. Социология М., 2005.*

Literature:

1. *American sociology Perspectives. Problems. Methods М., 1972.*
2. *Gorshkov M. K. Russian society as it is Vol. 1 М., 2016.*
3. *Russian society and the challenges of time Vol.M. 2, 2015.*
4. *Russia and China "ideal society" in the dreams of people in Russia and China М., 2016.*
5. *Self-regulation and forecasting of social behavior of the person: dispositional concept М., 2013.*

6. *Tikhonova N. E. Social structure of Russia: theory and reality Moscow, 2014.*
7. *Toshchenko J. T. Paradoxical man M., 2001.*
8. *Y. Habermas the Divided West, M., 2008.*
9. *Chuprov V. I. Zubok Yu. a. Romanovich N. A. Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction M., 2014.*
10. *Shkaratan O. I. Theory and reality M., 2012.*
11. *Shtompka P. Sotsiologiya M., 2005.*